УДК 821.161.1

И.Ю. Жарова

АВТОР И ПЕРСОНАЖНЫЙ РЯД В «ПРОСКИНИТАРИИ» АРСЕНИЯ СУХАНОВА

Анализируются образы автора и персонажей в «Проскинитарии» Арсения Суханова. Изучаются особенности изображения героев и способы выражения авторской оценки. Категория «автор» исследуется через характеристику поступков персонажей как ведущий принцип в создании образа героев. Персонажи разграничены по типу «статичные – динамичные» и «положительные – отрицательные». Новаторство текста заключается в отсутствии прямых авторских оценок. Сделан вывод о влиянии на произведение тенденций барокко, что проявилось в отказе от художественных условностей, индивидуализации и активности действующих лиц.

© Жарова И.Ю., 2014

Арсений Суханов, образ автора, персонаж, проскинитарий, путевая литература.

«Проскинитарий» Арсения Суханова (1649–1653) – уникальное произведение русской путевой литературы, представляющее собой своеобразный итог развития паломнических хожений Древней Руси. Особенности поэтики «Проскинитария» позволяют классифицировать этот текст как художественную систему, одна из задач изучения которой состоит в «обнаружении» автора, «определении его симпатий и антипатий, его отношения к изображаемой действительности, его личной заинтересованности в том, что он изображает» [1]. П.Ф. Николаевский отмечал, что существуют «вопросы, что же такое был старец Арсений Суханов, каков был его умственный кругозор и взгляд на современные нужды и жгучие запросы тогдашней жизни» [2]. Известные в настоящий момент факты биографии иеромонаха не формируют полного представления об исторической личности, основах его мировоззрения, взглядах, целях деятельности.

В XVII веке фигура автора не являла собой личность, полностью созданную художественным воображением. Это был синкретичный образ, в котором сочетались абстракция и конкретно-личностные черты: «в средневековой литературе... индивидуализация авторского образа была весьма низкой, преобладали некие широкие жанровые амплуа» [3]. Вопрос о принципах бытования героя в рамках произведения не поднимался исследователями, вероятно, в связи с восприятием автора Арсения и персонажа Арсения как аутентичных личностей.

---

[1] Еремин И.П. Литература Древней Руси. Л. : Наука, 1966. С. 236.

[2] Николаевский П.Ф. Сергей Белокуров. Арсений Суханов. СПб., 1895 (Тип. Императ. АН). С. 6.

[3] Манн Ю.В. Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М. : Наследие, 1994. С. 431.

Однако автор как созидающий субъект не может являться образом по определению, хотя одной из его задач может быть создание собственного «я» наравне с другими действующими лицами.

Существование в рамках сочинения других лиц игнорировалось учеными, несмотря на то, что именно их действия позволяют проанализировать систему ценностей иеромонаха, которая повлияла на идею литературного труда и его организацию. По определению В.В. Виноградова, образ автора – индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов [4]. В литературе Древней Руси данная категория проявляется в первую очередь в характере оценок писателя, которые он дает себе, другим персонажам, событиям и действиям: «самые существенные моменты проявления авторского самосознания в древнерусских текстах – это формулирование цели написания и самооценка – нравственная и профессиональная – в соотнесенности с этой целью» [5]. К другим важным аспектам относятся построение эпизодов, порядок чередования сцен, способ организации повествования, так как композиция литературного труда позволяет обозначить точку зрения автора на причинно-следственные и пространственно-временные связи окружающей действительности.

«Проскинитарий» – сочинение новаторское, поскольку формально лишено оценочных средств, на основе которых обычно создается характер героя литературы этого периода. В первую очередь, это проявляется в представлении автором главного действующего лица. По отношению к своему персонажу иеромонах приводит дважды устоявшуюся формулу самоуничижения: «слава Тебѣ Боже, яко и мене грѣшнаго закрыл еси от нечестивых турок» (Л. 10 об.) [6], «аз грѣшный Арсений у патриарха зажег свои свечи» (Л. 108). Эти исключения появляются в молитве Суханова и сцене, описывающей принятие старцем благодатного огня от свечей иерарха Паисия, вышедшего из кувуклии храма Гроба Господня. В данном случае реализуется константная антитеза «грешный земной человек» – «всемогущие высшие силы». В других фрагментах подобных критических замечаний нет, несмотря на то, что паломник повествовал о событиях, связанных со святыми местами, посещение которых считалось великой честью: «до Сарандаря, идѣже Христос постился 40 дней» (Л. 97), «идущим же нам от Иордана путем на Вифанию, иде было село Марфы и Марии» (Л. 99). Данная тенденция объясняется влиянием на текст статейных списков, поскольку в хожениях XVII века традиция самоуничижения была по-прежнему актуальна [7].

---

[4] Виноградов В.В. О теории художественной речи. М. : Высшая школа, 2005. С. 176.

[5] Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – сер. XV в.). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 76.

[6] Проскинитария // Синод. собр. / Гос. ист. музей. № 575. Текст «Проскинитария» здесь и далее цитируется по данной рукописи, поскольку она считается более ранней. Указание листов приводится в круглых скобках.

[7] «Повесть» Ионы Малого: «въ то время мнѣ грѣшному и недостойному и послѣднему во всѣхъ мнисѣхъ иноку Ионѣ» (Повесть и сказание о похождении в Иерусалим Ионы, по реклому Маленького // Православный палестинский сборник (ППС). 1895. Т. XIV. Вып. 3. С. 1). Василий Гагара, помимо использования устойчивых выражений «и как меня многогрѣшнаго раба Богъ

Можно предполагать, что Арсений на протяжении всего путешествия позиционирует себя в первую очередь как царского эмиссара и основной своей задачей видит создание полного отчета о религиозном и политическом положении в Иерусалиме, а не покаяние и поклонение. В рамках официального документа образ богомольца был неуместен, в связи с чем Суханов сознательно отказывается от этой традиции паломнических хожений.

Происшествия, непосредственно связанные с автором, не сопровождаются обширной эмоциональной оценкой, напряженные ситуации представлены как сообщение о неизбежных трудностях пути: «восстал вѣтр сильной, море взволновалось и несло нас неволею до Фонаря. И тут немного не потонули, отчаялись было живота своего вси, многажды волнами корабль покрывало» (Л. 12 об.), «бил многих армян турчин чаканом, и на Арсения замерился, да не ударил» (Л. 120 об.). В произведении практически нет фрагментов, в которых раскрыты внутренние переживания героя. Исключением условно можно назвать сцену шторма («отчаялись... вси»; соответственно при попутном ветре «обрадовались вси») и рассказ о пути на Сарандарь («ити гораздо трудно, но и страшно, а небывалому человѣку от страху и невозможно» (Л. 97–97 об.)). Повествование организовано таким образом, что в центре внимания остается конкретное действие, событие, а не личность паломника. Автор создает иллюзию абсолютной бесстрастности, его герой служит своего рода проводником, единственная задача которого – описание объективной реальности.

Изображение окружающей действительности в «Проскинитарии» также противоречит сложившимся литературным традициям. В паломнических хожениях мусульмане неизменно именовались «погаными», «безбожными» и др. [8] («погани турки» [9], «жена безбожныхъ турок» [10], «турки же окаяннии» [11]), а их культовые постройки рассматривались только как результат произвола иноверцев, поэтому подробно не описывались и, тем более, не рассматривались как памятники архитектурного искусства («турки и мечиты в ней творятъ по своему беззаконию» [12]). Арсением только в импровизированной молитве, созданной по пути во Святую землю, турки названы «нечестивыми». Оказавшись в Иерусалиме, он стремился непредвзято оценить их поведение по отношению к христианам: «турки... пакости такой ни у себя, ни у нас не чинят онѣ» (Л. 73), «турки в том их не неволят, в их церквах как стоять и молитися» (Л. 74). Мечети старец

принесъ во Иерусалимъ» (Житие и хождение Василия Гагары // Там же. 1891. Т. XI. Вып. 3. С. 8), привел в сочинении схему покаянной исповеди: «житие свое блудно и скверно препроводил, аки свиния въ калѣ грѣховнѣ прѣбых, блудъ творяше безпрестанно» (Там же. С. 1–2).

[8] Е.И. Малето составила перечень определений, использованных русскими путешественниками в отношении иноверцев (Даниил: сарацины (арабы) – «сильные», «поганые»; аноним (конец XIII – начало XIV в.): «фряги» (крестоносцы) – «нечестивые», «неверные»; иконоборцы – «поганые»; иеродиакон Зосима: мусульмане – «нечестивые сарацины» (арабы), «обозленные, окаянные, лютые»; Афанасий Никитин: татары – «поганые», мусульмане – «нечестивые»). (Малето Е.И. Хожения русских путешественников XII–XV вв. / Ин-т рос. истории РАН. М., 2000. С. 101–102.)

[9] Хождение Трифона Коробейникова: 1593–1594 гг. // ППС. 1888. Вып. 3. Т. IX. С. 16.

[10] Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары (1634–1637 гг.) // ППС. 1891. Т. XI. Вып. 3. С. 15.

[11] Там же. С. 74.

[12] Хождение Трифона Коробейникова. С. 8.

также изображал с эстетической точки зрения, расценивая их как памятник культуры, а не религиозный объект: «мечиты, велики и высоки, и широки добрѣ и украшены зданием, драгоцѣнными мраморы всякими и рѣзьми... несказанною мудростию и ценою великою» (Л. 20), «мечиты прекрасныя, резныя каменыя» (Л. 123 об.). Автор отказался от обязательного противопоставления православных и мусульман как невинно страдающих и тиранов. «Арсений не только не придавал особого значения спорам по обрядовым вопросам, он был выше и принципа единоверия» [13]. Суханову было невыгодно создавать негативный образ турецких чиновников, так как главной его целью была демонстрация теневых сторон жизни греческого духовенства. Не имея возможности открыто выражать свой взгляд на планируемую унификацию обрядов, иеромонах нашел выход в тематическом подборе материала, создавая антитезу «чистое православие – греческое бесчестие»: «патриарх у себя не служит, и к празднику не ходил и не облачался» (Л. 68), «еще не пострижен... а платье... носит чернеческое и комилавку, и служит обѣдню все с прочими попами в ряд» (Л. 85–85 об.). Ненавязчивое изложение личной позиции, отсутствие комментариев и претензий к восточным пастырям создали иллюзию объективного повествования, поэтому записки старца оказали большее влияние на современников, чем тенденциозные сочинения старообрядцев и представителей официальной церкви.

Анализ системы средств оценочной авторизации дает возможность сделать вывод о сосуществовании в «Проскинитарии» двух художественных образов: Арсения-автора и Арсения-героя, которые не тождественны друг другу, хотя каждый из них является реализацией конкретной исторической личности. Иеромонах Арсений – это одновременно и создатель, и герой произведения, то есть содержание отчета, его построение и трактовка деятельности окружающих непосредственно зависят от мировоззрения, убеждений, отношения к поставленным задачам самого старца, «эта нерасчлененно-эйдетическая природа автора порождает его особое отношение к своему произведению и своему герою... и в этом смысле можно говорить, что он одновременно и автор произведения и его функция, и творец и творение» [14]. Таким образом, ведущим принципом «Проскинитария» можно считать авторизацию, суть которой заключается в том, «что в повествование, содержащее какую-либо информацию, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на автора восприятия и выражающий авторскую оценку сообщаемого» [15]. Для текста Суханова этот подход наиболее целесообразен, поскольку по причинам объективного характера старец был вынужден скрывать свою точку зрения, поэтому его позицию можно определить через анализ тематики изображаемой действительности и характер представления действий других персонажей.

---

[13] Чистякова Е. «Вояжная» литература на Руси как исторический источник (по материалам трудов Арсения Суханова, середина XVII века) // Россия и мировая цивилизация. М. : Изд-во РУДН, 1996. С. 30.

[14] Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М. : Академия, 2004. Т. 2. С. 131.

[15] Меркулова М.В. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. 1977. Т. XXXII. С. 320.

Герой «Проскинитария» имеет сложную природу: Арсений, с одной стороны, стремился создать образ независимого и беспристрастного царского посланника, не имеющего личных предпочтений, который собирает информацию, необходимую для выполнения государственного поручения, и оценивает происходящее с точки зрения целесообразности («франки бы то учинили и денег бы дали, да нас не смѣют, что мы держим церковь, а не онѣ» (Л. 73), «мочно де так быть, то де учинил Бог, лучши, что турчин держит ключи, а как де бы на нас были ключи, хуже бы де было того» (Л. 74)). Автор повествования – высокообразованный, имеющий опыт дипломатических переговоров, знающий иностранный язык, детально изучивший чин богослужения и ценящий литературные произведения («приѣхал... к Богдану Хмѣльницкому, и гетману говорил, о чем патриарх с Арсеньем писал к нему» (Л. 3 об.), «шавкал вопросил про Арсенья: умеѣт ли по-турски? И толмач выступя молвил: не умѣет по-турски, токмо по-гречески, да по-руски» (Л. 145–145 об.), «Евангелие давал целовать, разложа в письмо, а не согнув книгу в доску, якоже у нас» (Л. 71), «книг же в церкви безчисленно много, греческих печатных и писменных, дорогих писем, и греко-латино печатных, и словенских, сербских много письменых» (Л. 243), «також и Трифон Коробейников пишет в своем хождении» (Л. 192 об.)). С другой стороны, это человек, абсолютно уверенный в том, что «чистое» православие сохранилось только в России, поэтому стремящийся найти максимальное количество доказательств неблагочестия греков: «патриарх с питропом бранился» (Л. 75 об.), «часы говорят многия, которыя и не служат, а иныя и не говорят» (Л. 87)).

Герой имеет прагматичный и даже авантюрный характер и способен при необходимости отступить от правовых, нравственных и даже религиозных норм. Оказавшись задержанным в Яссах по приказу господаря Василия Лупу, Арсений подкупил дьяков и они составили поддельный выездной лист (Л. 7 об.); подвергаясь опасности со стороны турецких чиновников, притворился капитаном корабля (Л. 9 об.); на допросе в Тарковском шемхальстве, чтобы не оказаться в плену, сознательно солгал шемхалу, выдавая себя за жителя другой страны (Л. 147). Демонстрируя негативные стороны личности Арсения, автор не пытается дать какое-либо оправдание или объяснить необходимость такого поведения. В повествование не включаются и просьбы к высшим силам о прощении за вынужденный обман и молитвы о помиловании. В этом отношении главное действующее лицо «Проскинитария» ближе к персонажам старообрядческих произведений, чем к паломникам от официальной церкви: «путешествие, сопряженное с таким риском для жизни человека, – подвиг в глазах... соотечественников. Отсюда, как и у протопопа Аввакума, высокая самооценка, вера в особое предназначение собственной жизни и собственного слова, в святость и непогрешимость действий» [16]. Подобные ситуации лишь подчеркивают опасности пути, через которые вынужден пройти герой не для того, чтобы побывать ради спасения своей души в святом городе Иерусалиме, а с целью выполнить важное государственное поручение.

---

[16] Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Житие и хождение Иоанна Лукьянова // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1701–1703. М. : Наука, 2008. С. 419.

Вместе с тем если обстановка не требует радикальных решений, то очевидна его безукоризненная честность («игумен говорил Арсению: а ты того не сказывай государю, что у нас дурно дѣется... И Арсеней говорил, что вы мнѣ лгать велите» (Л. 72 об.)), бесстрашие («ити гораздо трудно, но и страшно, а небывалому человѣку от страха и невозможно, понеже круто... Мы же... целовахом мѣсто идеже Христос Бог наш сидѣл...» (Л, 97–97 об.)), бескорыстность («по государеву указу, вездѣ ему [послу] по городом дают подводы, кормы и провожатых, колько годно, а я того ничего не прошу, только о том челом бью, чтоб Ростом-хан велѣл меня проводить до Терка» (Л. 132)), справедливость («Магмед-али а Арсению... сказал: как быть, нас отпускает [шемхал Тарковский], а тебя не отпускает. И Арсеней сказал: коли тебя отпускает, поѣдь» (Л. 149)), патриотизм и стремление отстаивать честь своего государства и царя («Арсеней говорил: что ты говоришь, что государь не сможет с кумыков, может и Терек един, не токмо Астрахань с кумыками управитися, да государь наш милостив, крови проливать не хочет бес сыску» (Л. 133 об.)). Столь противоречивый характер героя «Проскинитария» можно объяснить процессом создания образа автора, который на начальном этапе представлял собой совмещение антагонистических тенденций в изображении человека в агиографической литературе (праведник) и паломнических сочинениях (грешник). Кроме того, несмотря на обозначенную очевидную близость автора и героя, необходимо учитывать, что они существуют в различных пластах художественного времени. Герой существует в настоящем, он не знает, что последует в следующий момент. Автор же сознательно формирует порядок повествования, и ему известны дальнейшие события («гроб... якобы полаточка невелика... ему же мѣра описана будет на ином мѣсте» (Л. 157)). У них разное окружение: жизнь героя связана с духовными лицами России и Иерусалима, чиновниками и главами разных стран. Автор же связан только с читателем, при этом известно, что, создавая отчет, Арсений ориентировался на Никона и писал произведение с учетом его уровня образования, интересов и мировоззрения. Более того, адресат обладал информацией о событиях в жизни иеромонаха, поэтому в текст не входят известные ему сведения, несмотря на то, что более широкому кругу общественности они не знакомы («159 года сентября в 30 день поѣхал к Москвѣ... в другой для того ж дѣла, о чем напред сего приѣзжал (Л. 3)»). Взаимодействия двух ипостасей автора в рамках сочинения объясняет взаимоисключающие черты в образе главного героя, который создавался новаторскими средствами, но на основе сложившихся литературных традиций.

Помимо центрального действующего героя, в «Проскинитарий» включены другие персонажи. Их можно условно разделить на активных и пассивных, но такая классификация не подразумевает классического распределения на положительных и отрицательных [17]. Динамичность или статичность героев обусловлена различными факторами: традициями жанра, литературным этикетом, прагматичными установками, авторскими пристрастиями и потребностями текущего

[17] Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Житие и хождение Иоанна Лукьянова. С. 423.

времени [18]. Образ автора относится к активному типу: это выражается не только в постоянном перемещении в пространстве («поѣхали от Джини и стали в полдня у горы Фавор... В 4 день проѣхали Хан-Кан» (Л. 112 об.)), но и в наличии четкой жизненной позиции, защищая которую он не боится идти против вышестоящих, но «неправедных» лиц («патриарх армянской вспрашивал про Арсения, что не пришел руки целовать, не любит де нас» (Л. 85), «Арсеней все пишет, что они ни дѣлают» (Л. 91 об.)) и честно исполняет свои обязанности («Арсеней в клобукѣ всегда ходит» (Л. 85 об.)). Ведущей чертой в создании персонажей становится их инициатива в помощи паломнику. В отдельных случаях используются стилистические топосы: «Арсения старцы *приняли любително* и кормили с собою, тут и начевали» (Л. 40)). Как правило, называется конкретная помощь («тут ис Киева бурмистра Богдан Сомович... к строителю Арсению *прислал с кормом хлѣба, вина, меда, пива, рыбы*» (Л. 5), «архимарит Амфилохий *нанял карабль*» (Л. 19 об.)). Тот факт, что ключевым понятием в воспроизведении действий персонажей является именно помощь главному герою, может быть косвенно подтвержден отсутствием описаний действующих лиц, которые были непосредственно связаны с Сухановым на протяжении длительного времени, но не принимали участия в его деятельности. Иона Маленький, проживший с Арсением год, упоминается в повествовании несколько раз, но его функция ограничивается ролью свидетеля («диакон Иона сказавал сегодедни в 12 день» (Л. 82 об.), «кандило было не погашено, и Арсеней с Ыоною диаконом сами спустя погасили» (Л. 106)). В тексте не приводится портрета иеродиакона, не сообщается о его дальнейшей судьбе, не указаны и причины, по которым их возвращение в Москву проходило разными маршрутами.

Среди положительных персонажей есть и статичные герои, основанные на агиографической традиции изображения праведников. Этот топос при создании портретов благочестивых иерархов сохранялся в паломнических произведениях до середины XVIII века. Подобные зарисовки не отображают реальность, а представляют собой символический образ, тип, а не индивидуальность. Характер убитого константинопольского патриарха Парфения, смерть которого приравняла его к мученикам, создан на основе устоявшихся литературных формул: «человѣк доброй, мудрой, и разумной, и совладѣтельной» (Л. 19). Архиерей храма Джвари «муж честен, браду имеет белую, яко снѣг, и житием добрым украшен» (Л. 136). В данном случае положительная характеристика была просто необходима, так как именно со слов архиерея Арсений пересказывает предание о том, как хитон Иисуса Христа оказался в Мцхето, поэтому репутация рассказчика должна быть безупречна, а его авторитет безусловен.

Традиции в изображении духовных лиц были столь устойчивыми, что даже в эпизоде о судьбе родосского митрополита, перешедшего в ислам и соответственно входящего в группу отрицательных персонажей, перечис-

---

[18] Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков (история и поэтика) / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2006. С. 451–452.

лены только положительные качества («человѣк прекрасной, борода черна, очи чисты, и всѣм украшен» (Л. 82)), хотя мотивация его поступков лежит в области честолюбия («добивался в патриархи»), поэтому никаких смягчающих обстоятельств, оправдывающих его, не существует. Однако случай статичности антигероев является исключением, как правило, это активные образы. Их основная цель – помешать паломнику выполнить свою задачу («говорил чашник: Арсеней де сидит в кѣлье, все пишет про нас, чернцов, и ту де книгу хочет царю подать, добро б де патриарх тѣ его книги взял да сжег» (Л. 92)), поэтому они лгут («Арсений спрашивал о дате возвращения Паисия в Иерусалим у его приближенных, «и они сказали, что... после праздника Вознесения тотчас поѣдет» (Л. 7–7 об.)), создают препятствия на пути («воевода Василей не хотѣл пустить» (7 об.)), стремятся подвергнуть жизнь главного героя опасности (старцы иерусалимского патриарха пригласили Суханова в метохию, «опосле их пришол архимарит Филофей и стоять Арсению на иерусалимском подворьи не велѣл: тут де мор, а се де старцы лихи, говорят де и сладко, а после и горько будет» (18 об.)).

Среди антигероев выделяются два персонажа, которые, несмотря на духовный сан, получили резко отрицательные характеристики. Причины, по которым Арсений критически относился к митрополиту Гавриилу, неизвестны, возможный конфликт не нашел отражения в тексте. Гавриил Назаретский представлен как человек, сознательно толкавший людей на отступления от веры, находя ложные оправдания их поступкам («в пост щербет пивал с сахаром сам патриарх... и назаретский говорил: нѣту де скорому, тѣ де яица как де варят... всплывают наверх, и то де снимают и сметывают долов» (Л. 92)), использовавший предметы церковного обихода в корыстных целях (пожалованную государем шапку передарил патриарху (Л. 102 об.)) и небрежный в исполнении своих обязанностей (не проследил за подготовкой храма к празднику Пасхи (Л. 106)). Наиболее ярким отрицательным героем в «Проскинитарии» представлен патриарх Паисий. На создание образа повлияли исторические обстоятельства: именно он считался автором идеи об унификации русского и греческого обрядов, а Суханов подозревал его в причастности к убийству Парфения. Характер иерусалимского иерарха состоит исключительно из негативных черт: вспыльчивость («велѣл бить арапина христианина диакону по щекам и в голову, потом плетьми по лицу... а невѣдомо за какую вину» (Л. 82 об.)), праздность («от заутрени сошед прежо 3 пѣсни канона, и у обедни не был же» (Л. 75 об.)), чревоугодие («патриарх и раки ѣл... и вино... пил» (Л. 76 об.)), лицемерие («то говорил нароком при Арсенье, чтобы он то вѣдал» (Л. 91 об.)), подхалимство (патриарх у себя приказал всѣм чернцам приходить... в клобуках, понеже стыдно ему стало, что Арсений и Иона всегда ходят в клобукѣ» (Л. 67 об.)). Несмотря на явную тенденциозность изображения, каждый образ имеет индивидуальные черты, наполняется исторической и бытовой конкретикой, обретает узнаваемость. Положительные и отрицательные персонажи не противопоставлены, сосуществуют вместе и влияют друг на друга. Отнесенность героя к определенному лагерю базируется на совокупности его личностных особенностей, а не жанровых рамках или литературных клише.

Однако во многом традиции паломнического хожения в создании системы персонажей остались неизменными: главным объектом изображения в «Проскинитарии» является событие, а не человек. Тип «движущегося» героя реализован в физическом перемещении в пространстве, динамика его внутренней жизни остается закрытой. Более того, не устанавливается не только взаимосвязь между психологическим состоянием героя и его действиями, но и в принципе не происходит фиксации эмоций и чувств действующих лиц. Речь автора персонажей не дифференцирована. Диалоги строятся в вопросно-ответной форме и не имеют влияния на дальнейшее развитие сюжета. Вместе с тем образы героев уже не являются художественной условностью, они получают реалистическую обоснованность, становятся более индивидуализированными. Персонажи обретают активность, что является признаком влияния на произведение тенденций барокко, получившего распространение в русской литературе этого периода с его динамизмом и эклектизмом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. О теории художественной речи [Текст]. – М. : Высшая школа, 2005 – 286 с.
2. Еремин, И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики) [Текст] / АН СССР. Отд-ние литературы и языка. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 263 с.
3. Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары (1634–1637 гг.) [Текст] / под ред. С. О. Долгова // Православный палестинский сборник. – 1891. – Т. XI. – Вып. 3. – 115 с.
4. Конявская, Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) [Текст]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 70–97.
5. Малето, Е.И. Хожения русских путешественников XII–XV вв. [Текст] / Ин-т российской истории РАН. – М., 2000. – 206 с.
6. Манн, Ю.В. Автор и повествование [Текст] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М. : Наследие, 1994. – С. 431–480.
7. Меркулова, М.В. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума [Текст] // Труды отделения древнерусской литературы. – М., 1977. – Т. XXXII. – С. 319–331.
8. Николаевский, П.Ф. Сергей Белокуров. Арсений Суханов [Текст]. – СПб., 1895 (Тип. Императ. АН). – 8 с.
9. Ольшевская, Л.А. Житие и хождение Иоанна Лукьянова [Текст] / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова 1701–1703. – М. : Наука, 2008. – 668 с.
10. Повесть и сказание о похождении в Иерусалим и Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона, Ионы, по реклому Маленького, 1649–1652 гг. [Текст] / под ред. С.О. Долгова // Православный палестинский сборник.– СПб., 1895 (Тип. В. Киршбаума). – Т. XIV. – Вып. 3. – 80 с.
11. Решетова, А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков (история и поэтика) [Текст] / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2006. – 768 с.
12. Теория литературы [Текст] : в 2 т. – Т. 1 : Историческая поэтика / С.Н. Бройтман. – М. : Академия, 2004. – 359 с.

13. Хождение Трифона Коробейникова: 1593–1594 гг. [Текст] / под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. – 1888. – Т. IX. – Вып. 3. – 129 с.

14. Чистякова, Е. «Вояжная» литература на Руси как исторический источник (по материалам трудов Арсения Суханова, сер. XVII века) [Текст] // Россия и мировая цивилизация : материалы междунар. науч.-теорет. конф. – М. : Изд-во РУДН, 1996. – С. 26–33.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [About the theory of artistic speech] [Text]. – Moscow : Vysshaya shkola, 2005 – 286 p.

2. Yeremin, I.P. *Literatura Drevney Rusi (etyudy i kharakteristiki)* [Literature of Ancient Russia (sketches and features)] [Text] / USSR. Department of literature and language. – Moscow ; Leningrad : Science, 1966. – 263 p.

3. Dolgov S.O. *Zhitiye i khozhdeniye v Iyerusalim i Yegipet kazantsa Vasiliya Yakovlevicha Gagary (1634–1637)* [Life and Pilgrimage to Jerusalem and Egypt of Kazan inhabitant *VasiliyYakovlevich Gagara (1634–1637)]* [Text] // *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik.*– Orthodox Palestinian collection. – 1891. – Vol. XI. – Iss. 3. – 115 p.

4. Konyavskaya, Ye.L. *Avtorskoye samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika (XI – seredina XV v.)* [Author's identity of ancient book] [Text]. – Moscow : *Yazyki russkoy kul'tury* – Languages of Russian Culture, 2000. – P. 70–97.

5. Maleto, Ye.I. *Khozheniya russkikh puteshestvennikov XII–XV vv.* [Doing of some Russian travelers XII–XV centuries] [Text] / *In-t rossiyskoy istorii RAN.* – Institute of Russian History of Russian Academy of sciences. – Moscow, 2000. – 206 p.

6. Mann, Yu.V. *Avtor i povestvovaniye* [Author and narration] [Text] // *Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya*. – Historical Poetics. Literary eras and types of artistic consciousness. – Moscow : Heritage, 1994. – P. 431–480.

7. Merkulova, M.V. *Rechevaya struktura obraza avtora v Zhitii protopopa Avvakuma* [Speech structure image of the author in the Life Avvakum] [Text] // *Trudy otdeleniya drevnerusskoy literatury.* – Proceedings of the department of ancient Russian literature. –Moscow, 1977. – Vol. XXXII. – P. 319–331.

8. Nikolayevskiy, P.F. *Sergey Belokurov. Arseniy Sukhanov* [Sergei belokurov. Arseny Sukhanov] [Text]. – SPb., 1895 (Printing Imperial Academy of Sciences). – 8 p.

9. Ol'shevskaya, L.A. Zhitiye i khozhdeniye Ioanna Luk'yanova [Life and Pilgrimage of John Lukyanov] [Text] / L.A. Ol'shevskaya, S.N. Travnikov // *Khozhdeniye v Svyatuyu zemlyu moskovskogo svyashchennika Ioanna Luk'yanova 1701–1703.* – Walking in the Holy Land of Moscow priest John Lukyanov 1701–1703. – Moscow : Science, 2008. – 668 p.

10. *Povest' i skazaniye o pokhozhdenii v Iyerusalim i Tsar'grad Troitskogo Sergiyeva monastyrya chernogo diakona, Iony, po reklomu Malen'kogo, 1649–1652 gg.* [Tale and legend about the adventures in Jerusalem and Constantinople Trinity Sergius Monastery black deacon, Jonah, on advertisements Little, 1649–1652] [Text] / ed. by S.O. Dolgova // *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik.* – Orthodox Palestinian collection. – Saint Petersburg, 1895 (Typography of B. Kirschbaum). – Vol. XIV. – Isse. 3. – 80 p.

11. Reshetova, A.A. *Drevnerusskaya palomnicheskaya literatura XVI–XVII vekov (istoriya i poetika)* [Old Russian literature pilgrimage of the 16–17th centuries (history and poetics)] [Text] / Ryazan State University named for S.A. Yessenin. – Ryazan', 2006. – 768 p.

12. Broytman, S.N *Teoriya literatury* [Literature Theory] [Text] : in 2 vols. – Vol. 1 : *Istoricheskaya poetika* – Historical Poetics. – Moscow : Academia, 2004. – 359 p.

13. *Khozhdeniye Trifona Korobeynikova: 1593–1594.* [Piligrimage of Tryphon Korobeinikov: 1593–1594] [Text] / ed. by Kn.M. Lopareva // *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik.* – Orthodox Palestinian collection. – 1888. – Vol. IX. – Iss. 3. – 129 p.

14. Chistyakova, Ye. *«Voyazhnaya» literatura na Rusi kak istoricheskiy istochnik (po materialam trudov Arseniya Sukhanova, ser. XVII veka)* ["Voyage" literature in Russia as a historical source (based on the works of Arseniy Sukhanov, Vol. 18th century)] [Text] *// Rossiya I mirovaya tsivilizatsiya : materialy mezhdunar. nauch.-teoret. konf.* – Russian and world civilization : Proceedings of International scientific conference. – Moscow : RPFU, 1996. – P. 26–33.

I.Yu. Zharova

THE AUTHOR AND THE CHARACTERS IN ARSENY SUKHANOV'S «PROSKINITARIA»

The article focuses on the analysis of the author and the characters of «Proskinitaria» by Arseny Sukhanov. It analyzes the peculiarities of the author's manner of depicting characters and his means of expressing authorial judgment. The analysis of characterization through characters' actions and the analysis of the organization of narrative discourse reveal the presence of the author. The leading principle of characterization is syncretism. All characters can be classified into static and dynamic, positive and negative ones. But there is no direct authorial judgment, which is an innovation. The article maintains that Arseny Sukhanov's «Proskinitaria» reflects inspiration from baroque movement, which is manifested in rejection of artistic conventionalities and in individualization of characters.

Arseny Sukhanov, author, character, Proskinitaria, itinerary.